

Однако Цзин Юнь Чжао, Тун Янь и окружающие люди не знали о сложных мыслях Цзи Шань Шаня, поэтому, услышав, как она выступила в защиту Цзин Юнь Чжао, они все были удивлены.

— Цзи Шань Шань, как у тебя могло сложиться такое мнение? Как говорится, "Будьте благодарны за небольшие благословения", так как кузина приложила столько усилий, чтобы просто помочь Цзин Юнь Чжао, даже если она ничего из этого не использовала, она все равно должна быть благодарна... — ответил Цуй Цзюнь.

Услышав его слова, Цзи Шань Шань мгновенно вспомнила, как Цзин Юнь Чжао обращался с ней, и, когда её глаза вспыхнули, она ответила:

— Кузина, ты так долго был на попечении Семьи Цуй, и я чувствую, что твоя жизнь там не очень хороша. Как насчет того, чтобы я пошла домой и пожертвовала тебе несколько вещей? Ах да, если тебе не хватает денег, я могу попросить своего отца дать тебе 10 000 юаней, что ты думаешь?

Кузина Цуй усмехнулась, прежде чем сказать:

— Шань-Шань, семья Цуй относилась ко мне очень хорошо, так что мне не нужна никакая помощь. Однако, если ты такая добросердечная, ты можешь отдать эти вещи Цзин Юнь Чжао...

— Мне все равно, так как я чувствую, что ты нуждаешься в помощи, тогда тебе нужна помощь, просто подожди, пока я пришлю тебе эти вещи. Кузина, к тому времени ты должна помнить, что должна быть благодарна мне, как говорится, "Будь благодарен за маленькие благословения", верно, Цуй Цзюнь? — сказала Цзи Шань Шань с улыбкой, выглядя самодовольной.

Ей нужно было только хорошо относиться к Цуй Цзюню, а что касается его кузины... она просто ненавидела её!

Уголки рта Цзин Юнь Чжао приподнялись вверх, и Тун Янь тоже почувствовал ликование, когда они услышали слова Цзи Шань Шаня.

Цуй Цзюнь посмотрел на свою двоюродную сестру с паникой в глазах, в то же время обвиняя Цзи Шань Шаня в своем сердце. Однако у Семьи Цзи и Семьи Цуй были хорошие отношения, и иногда Семье Цуй все равно приходилось просить Семью Цзи о помощи. Поэтому, хотя ему и не нравился Цзи Шань Шань, у него не хватило смелости полностью разорвать их отношения.

В результате он почувствовал еще большее удушье.

Однако, в конце концов, Цзи Шань Шань в конечном счете все еще заботилась о Цуй Цзюне, и, видя, что его лицо становится все уродливее с каждой секундой, она прекратила свою атаку.

В любом случае, она уже выиграла в этом обмене между ней и его двоюродной сестрой.

Когда на неё напала Цзи Шань Шань, выражение лица кузины Цуй становилось все более уродливым, когда она посмотрела в сторону Цзин Юнь Чжао и мягко произнесла:

— Ты же не думаешь, что я послала тебе все эти вещи только для того, чтобы ты была благодарна мне?

Цзин Юнь Чжао пристально посмотрела на неё, прежде чем ответить:

— Я не получила никакой доброты, так как я могу быть благодарна?

— Для меня это не имеет значения, но деньги, которые я пожертвовала тебе, были собраны моими одноклассниками в надежде, что ты сможешь использовать их для продолжения учебы в будущем и вернуть их... — сказала кузина Цуй.

Слова, сказанные кузиной Цуй, были противоречивыми.

Раньше она говорила, что не хочет, чтобы Цзин Юнь Чжао была перед ней в долгу, но теперь она хочет, чтобы Цзин Юнь Чжао отплатила ей.

В то время, когда люди делали ей пожертвования, хотя она и не принимала их, она также не была против этого. В конце концов, они были просто добросердечными людьми с добрыми намерениями. Однако, столкнувшись с людьми, которые практикуют моральное похищение, Цзин Юнь Чжао действительно больше не могла этого выносить.

С другой стороны, если бы она открыто показала свои намерения без всякого притворства, Цзин Юнь Чжао испытал бы к ней намек на восхищение, но сейчас она говорила таким окольным путем, просто чтобы заставить Цзин Юнь Чжао чувствовать себя плохо и быть благодарным ей, притворяясь и показывая, что она благородный человек, действительно вызывая у Цзин Юнь Чжао отвращение.

— Кузина Цуй, школа уже несколько раз объявляла от моего имени, что не было необходимости в каких-либо пожертвованиях, верно? — серьезно сказал Цзин Юнь Чжао.

Кузина Цуй кивнула в ответ, прежде чем ответить:

— Однако все имели в виду только твои добрые намерения. В конце концов, ты уже столько лет страдаешь...

— Это твоё собственное предположение, — Цзин Юнь Чжао сказал с холодным отношением, прежде чем продолжить:

— Если бы я попросила всех о помощи и пожертвованиях, то, что бы ты ни сказала мне сейчас, я бы вернула то, что должна. Однако я даже не прикоснулась ни к одному из полученных пожертвований, и все же теперь ты хочешь, чтобы я отплатила тебе?

— Цзин Юнь Чжао, я не просила тебя возвращать мне долг... — Кузина Цуй испуганно сказала, как будто боялась, что люди неправильно поймут её, прежде чем продолжить:

— Помогать другим необходимо, я пришла сюда сегодня, потому что беспокоилась о тебе, но я также пришла принять участие в ярмарке лекарств.

— Поскольку ты не хочешь, чтобы я отплатила тебе, тогда тебе не нужно относиться ко мне с таким отношением, я этого не вынесу. Кроме того, ты являешься участником этой медицинской ярмарки, я тоже одна из них, поэтому, если ты продолжишь смотреть на меня снисходительно с высоты, я боюсь, что не смогу контролировать себя и вышвырну тебя. В моем словаре нет слов "не бить девушек".